

Евгений НОЛЕВ

РУССКО-ОРДЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ДИСКУРСАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматриваются вопросы русско-ордынских отношений в научных и общественно-политических дискурсах постсоветского пространства.

Issues of the Russian-Horde relations in the scientific and social and political discourses of the post-Soviet space are considered in the article.

Ключевые слова:

Золотая Орда, русско-ордынские отношения, постсоветское пространство; The Golden Horde, Russian-Horde relations, post-Soviet space.

Наследие Золотой Орды в истории России представляет собой одну из ключевых тем, имеющих концептуальное значение для понимания всего хода русской истории и осмысления событий, происшедших на евразийском пространстве во времена существования империи Чингисхана. Важность темы обусловлена идеологизацией и политизацией исследований от начала ее изучения до современного состояния.

На каждом этапе изучения взаимоотношений Руси и Золотой Орды наблюдается подчиненность определенным идеологическим задачам. В аутентичных свидетельствах на ранних этапах ордынского владычества отсутствует ощущение катастрофы, связанной с монгольским нашествием. Более того, сам факт установления этого владычества рассматривался в рамках провиденциального сознания как Богом установленный порядок. В некоторых нарративных источниках Русская земля идентифицируется как часть Орды. Так, в «Сказании об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора» Русь предстает как «земля канови и Батыеве», а в «Задонщине» — как «Орда Залеская».

Полоса политических кризисов в Золотой Орде и завершение процесса формирования единого Русского государства создали возможность преодоления зависимости от Орды, для воплощения которой требовалось идеологическое обоснование, оформленное в послании Вассиана Рыло Ивану III.

У Н.М. Карамзина прослеживается неоднозначность оценки феномена ига. С одной стороны, у него присутствует стремление оправдать отставание России от Европы, что, несомненно, являлось важной идеологической задачей европеизации общества¹. С другой, — являясь официальным историографом, Н.М. Карамзин выступает апологетом российской монархии и связывает рождение самодержавия с иноземным господством. В XIX в. в рамках концепции «ига» появляется идея о том, что именно Русь спасла Европу от нашествия монголов. По словам А.С. Пушкина, «варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились на степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией». Подобная трактовка не могла не повлиять на развитие национальной гордости.

В 1826 г. в связи со 100-летним юбилеем Академии наук был объ-

НОЛЕВ

Евгений

Владимирович —
аспирант

Института
монголоведения,
буддологии
и тибетологии

СО РАН

nolev@inbox.ru

¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. В 12 т. — СПб., 1819, т. V, с. 369.

явлен конкурс на специальное исследование о последствиях монгольского завоевания России, в частности анализирующее влияние золотоордынского ига на образ правления, политические связи государства, просвещение и образование народа.

Идеологические и политические факторы сыграли, пожалуй, ведущую роль в утверждении концепции ига в советской историографии. Однозначная позиция идеологов марксизма в известной степени сужала границы интерпретации монгольского владычества. «Татарское иго», — писал К. Маркс, — не только подавляет, но растлевает и иссушает самую душу народную. Монгольские татары установили режим систематического террора». Согласно Ф. Энгельсу «при каждом завоевании более варварским народом ход экономического развития нарушается и уничтожается целая масса производительных сил». Сравнение И.В. Сталиным монгольского ига с новым позорным игом, которое «империалисты Австрии и Германии несут на своих штыхах»¹, имело большое мобилизационное значение. Концепция ига стала служить примером исторической героики и сплочения народа перед лицом общей опасности. При этом в рамках формационно-классового подхода оформляется идея об изначальном сопротивлении русского народа монгольскому игу и соглашательской политике русских князей — союзе феодалов и завоевателей против народных масс. Соответственно, акценты интерпретации концепции смещаются от положительного влияния ордынского владычества на становление самодержавия к выявлению классовой дихотомии. Свою актуальность сохраняют идеи о причине отставания от Европы и спасения Европы.

Очердное влияние идеологии на изучение русско-ордынских отношений связано с постановлением ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», где предлагалось устранить серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии, в частности «приукрашивание Золотой Орды».

С 1961 г. в условиях возрастания напря-

женности в советско-китайских отношениях в китайской историографии происходит переосмысление истории династии Юань. Единодушный взгляд на монгольское владычество как на эпоху чужеземного гнета и притеснения китайского народа сменяется утверждением, что период правления династии Юань являлся эпохой великого объединения Китая. Реакция советских ученых на переоценку отрицательного отношения к монгольскому владычеству в Китае в трудах китайских историков проявилась в издании академического сборника статей «Татаро-монголы в Азии и в Европе», целью которого стала демонстрация научной несостоятельности теорий о прогрессивной роли военных походов и территориальных захватов на примере Чингисхана и его преемников². В данном случае консервация концепции монголо-татарского ига произошла под воздействием внешнего фактора в условиях идеологического противостояния с Китаем.

После распада СССР произошли существенные изменения в изучении золотоордынского наследия. Во-первых, господствующий в советский период марксистский подход с преимущественно негативной трактовкой наследия Золотой Орды, не подкрепленный государственной идеологией, сменился методологическим плюрализмом и разнообразием концепций. Во-вторых, исследование золотоордынского наследия получило новый импульс в национальных историографиях. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что именно в золотоордынский период в результате русско-ордынских отношений происходит окончательное становление трех народностей — русских, украинцев и белорусов, а завершение периода ордынской зависимости связано с созданием национального государства на Руси. С другой стороны, изучение золотоордынского наследия детерминировано национально-культурным возрождением, поиском исторической идентичности в историографии Татарстана и Бурятии.

В современной российской историографии происходит преодоление одностороннего взгляда на русско-ордынские отношения и их значение для истории России. Концепция монголо-

¹ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. — М.: Л., 1950, с. 12, 57, 255.

² Тихвинский Л.С. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы в Азии и Европе. — М.: Наука, 1977, с. 14—16.

татарского ига сегодня исчерпала свой гносеологический и методологический потенциал и в условиях формирования толерантных межнациональных отношений является деструктивной. В российских исследованиях присутствует ряд оригинальных концепций русско-ордынских отношений, разработанных в трудах Ю.В. Кривошеева, А.А. Горского, Ю.В. Селезнева, Н.Н. Крадина, В.Н. Рудакова, Р.Ю. Почекаева, С.А. Нефедова и др. При анализе политического содержания русско-ордынских отношений исследователи обращают внимание на многоплановость их содержания и неоднородность проявления в хронологическом порядке. В то же время присутствует географическая дифференциация отношений Золотой Орды с различными русскими княжествами. Новое направление исследований составляет изучение вопросов восприятия ордынской власти на Руси. И.И. Назипов провел детальное исследование форм и содержания политических связей Руси и Орды. Автор пришел к выводу, что из 261 года взаимоотношений Руси и Орды Северо-Восточная Русь обладала политической самостоятельностью и была независима от Золотой Орды в общей сложности 89 лет. Государственный характер политических связей Северо-Восточной Руси и Орды, соответственно, составляет 172 года, 36–37 лет из которых вовлеченность была формальной и 135–136 лет – фактической¹.

Ю.В. Кривошеев подчеркивает, что в современной российской историографии проблема установления окончания ордынской зависимости Руси является в большей степени идеологизированной, поскольку непосредственно связана с созданием национального государства на Руси². Традиционно датой окончания татаро-монгольского ига признается 1480 г. В.В. Похлебкин заканчивает историю русско-ордынских отношений 1481 г. – датой смерти последнего хана Золотой

Орды Ахмата³. Особой позиции придерживается А.А. Горский, датируя прекращение ордынского ига 1472 г. – после отражения золотоордынского похода, когда наступает осознание независимости Руси от Орды⁴.

Большое значение изучению русско-ордынских отношений уделяется в Татарстане. В 2003 г. в связи с необходимостью координации научных исследований по истории Золотой Орды был создан Центр исследований золотоордынской цивилизации при Институте истории им. Ш. Марджани. В 2009 г. Центр исследований золотоордынской цивилизации был реорганизован в Центр золотоордынских исследований, а в 2010 г. он был переименован в Центр исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова. Центром исследований золотоордынской цивилизации с 2008 г. была организован ежегодный выпуск сборника «Золотоордынская цивилизация». Многие исследования, опубликованные в сборнике, направлены на изучение как русско-ордынских отношений, так и истории Золотой Орды как неотъемлемых составляющих истории России.

Казанские историки рассматривают Золотую Орду как тюркско-татарское государство, ключевой этап национальной и государственной истории, предшественника постордынских татарских ханств, в т.ч. и Московской Руси. Важный исторический и идеологический вопрос об идентификации влияния Золотой Орды на историю России решается в пользу тюркско-татарской и, шире, мусульманской цивилизации.

Одной из главных проблем, разрабатываемых исследователями Республики Бурятия, является изучение истории и влияния монгольского мира на ход экономического, культурного и социально-политического развития Евразийского континента и Российского государства в частности. Фундаментальные исследования по истории Великой Монгольской империи проводятся в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Изучение наследия Монгольской

¹ Назипов И.И. Северо-Восточная Русь в системе политических связей Орды : автореф. дис. ... к.и.н. – Ижевск, 2012, с. 27–28.

² Кривошеев Ю.В. «Монгольский вопрос» в русском общественном сознании: прошлое и современность, наука и идеология // Монгольская империя и кочевой мир : сборник статей. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ, 2005, кн. 2, с. 267.

³ Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). – М., 2000, с. 72.

⁴ Горский А.А. Москва и Орда. – М. : Наука, 2003, с. 167, 319–320.

империи в отечественной истории является актуальным направлением исследований ученых Бурятского государственного университета.

Определяя глубину воздействия монгольского мира на историю Руси, исследователи подчеркивают, что это воздействие имело не внешний атрибутивный характер, а проявилось в дальнейшей природе российской государственной власти. Так, министр образования и науки Республики Бурятия А.В. Дамдинов совместно с профессором В.Д. Дугаровым отмечают, что российская государственность, зародившись в глубине Евразийского континента, не могла не наследовать в архетипе своей власти некоторые черты и признаки Золотой Орды¹. В русско-ордынских отношениях ученые из Бурятии прослеживают влияние именно Монгольской империи. По этому поводу профессор Э.Д. Дагбаев отмечает, что для современной России вопрос о политических характеристиках Монгольской империи является принципиально важным, поскольку российская государственность, образно говоря, «выросла» из нее и продолжает находиться под влиянием ее основ².

Наступление постсоветского этапа развития стран СНГ, обретение ими суверенитета и независимости предопределили формирование новых контуров политического и идеологического развития, бурный рост национального самосознания. В этих условиях возникла потребность концептуального переосмысления прошлого в рамках развивающихся национальных историографий.

В современной белорусской историографии русско-ордынских отношений внимание ученых сосредоточено преимущественно на событиях монгольского нашествия. Историческое понятие «Русь» отождествляется с понятием «славянские земли», за счет чего происходит своеобразное преодоление исключительности монгольского нашествия как факта истории сугубо Российского государства. Исследователи признают, что без внимательного изучения монгольского нашествия

невозможно ответить на вопрос о влиянии монголов на характер развития восточнославянских народов в широкой исторической перспективе³.

А.В. Мартынюк на основе анализа изображений миниатюр Лицевого свода, в которых отсутствуют различия между русскими и ордынцами, приходит к выводу о существовании средневекового представления о единстве Руси и Золотой Орды⁴.

Вместе с тем в белорусской историографии обозначилась новая проблема – изучение взаимоотношений Литвы и Орды. Сегодня украинские и белорусские историки утверждают, что Великое княжество Литовское и Русское в определенной исторической ситуации включало преимущественно русские земли и русское население, а также претендовало на роль центра объединения русских земель.

История Киевской Руси в период золотоордынского владычества имеет как давнюю традицию изучения, так и опыт политической и идеологической концептуализации вопроса. В центре дискуссии середины XIX столетия стоял вопрос о степени разрушительности монгольского нашествия и его последствий.

Советская историография истории Киевской Руси XIII в. имела следующие особенности. Во-первых, археологические издания завершались событиями 1240 г. Во-вторых, изучение периода истории Украины, непосредственно связанного с национальным вопросом, с политической точки зрения было опасным, а с научной – невыгодным⁵. Эти обстоятельства, в свою очередь, повлияли на консервацию представления о катастрофических и необратимых последствиях монгольского нашествия на Киевскую Русь в советской историографии.

В современной украинской историографии активизировались исследования малоизученной, но имеющей принципиальное значение для национальной истории Украины темы взаимоотноше-

³ Жарко С.Б., Мартынюк А.В. История восточных славян. Монгольское нашествие на Русь – Мн. : БГУ, 2003, с. 78–79.

⁴ Мартынюк А.В. Русь и Золотая Орда в миниатюрах Лицевого летописного свода // Российские и славянские исследования : сборник научных статей. – Минск : БГУ, 2004, вып. 1, с. 64.

⁵ Ивакин Г.Ю. Историческое развитие Южной Руси и Батьево нашествие // Русь в XIII веке: Древности темного времени. – М. : Наука, 2003, с. 61.

¹ Дамдинов А.В., Дугаров В.Д. Исторические проблемы монголосферы в мировом и российском историческом дискурсе в XXI в. // Монгольский мир в научном и образовательном дискурсах. – Улан-Удэ, 2009, с. 5.

² Дагбаев Э.Д. Монгольское государство как особый тип империи // Чингисхан и судьбы народов Евразии. – Улан-Удэ, 2003, с. 139.

ний Золотой Орды и русских княжеств. Именно в этот период начинает формироваться как украинская народность, так и самостоятельный вектор исторического развития.

Особую важность приобретает вопрос о роли и значении Киева как политического центра Руси накануне монгольского нашествия и после установления зависимости от Золотой Орды. В современной украинской историографии Киев предстает как один из крупнейших политических центров, традиционный столичный город, символ единства Руси. О.В. Русина, рассматривая переход реальной политической гегемонии Киева в область политической традиции, отмечает, что в структурах средневекового сознания, традиционного по своей сути, Киев оставался доминирующим центром русских земель¹. Следовательно, политическая нестабильность в Киевском княжестве в 1230-х гг. определялась не гипотезой об усилении децентрализации и стремлении князей развивать свои вотчинные земли, характерной для отечественной историографии, а наоборот, высоким политическим значением древнерусской столицы.

Происходит пересмотр значения последствий захвата Киева в 1240 г. Соглашаясь с тем, что разрушения монгольского нашествия имели значительные масштабы, современные исследователи полностью отрицают тезис о глобальной катастрофе и полном запустении Киевского княжества. Археологические исследования последних десятилетий показали, что после 1240 г. жизнь продолжалась во всех исторических районах Киева, однако интенсивность значительно снизилась². Более того, согласно мнению специалистов, Киевское княжество не только восстановилось, но продолжало играть важную роль во взаимоотношениях Руси и Золотой Орды на всем их протяжении.

Следующей важной и дискуссионной проблемой в современных исследованиях является определение степени зависимости Киевского княжества от Золотой Орды. Вопреки мнению, присутствующему в отечественной историографии, о прямом подчинении Киевского кня-

жества Золотой Орде украинские историки полагают, что Киевская земля непосредственно в состав Золотой Орды не вошла и управлялась ханами через местных феодалов или наместников³. При этом утверждается, что Киев сохранил позиции политического лидерства и стольного города среди русских земель. К тому же Киев оставался церковно-идеологическим и сакральным центром Руси. Эти утверждения легли в основу концептуального переосмысления политических взаимоотношений Руси и Золотой Орды. Среди исследователей возобладало мнение, что ордынские правители руководствовались сознательным стремлением ослабить Киев как возможный центр политического объединения русских княжеств. Следовательно, убийство Михаила Черниговского в Орде объясняется не религиозными, а сугубо политическими соображениями, а передача Киева владимирским князьям происходила из расчета их слабой заинтересованности в управлении южнорусскими землями. Стремлением ослабить центр южнорусских земель особым и усиленным контролем объясняется также довольно длительное пребывание здесь баскаков и предположение об осуществлении ими княжеских полномочий с 1272 г. до конца XIII в.

Границы Золотой Орды и Киевского княжества были в значительной степени условными, документально не оформленными и ситуативно зависели от размера ордынских сил и активности русского населения. Рассматривая вопросы зависимости Киевской земли от Орды, О.В. Русина обращает внимание на переход Переяславля, Канова под непосредственное управление Золотой Орды, а также образование территории под названием Татарьска земля вследствие процессов «обезкняживания» и миграции населения с украинских земель, происходящих параллельно с формированием здесь татарской администрации и приходом татарского населения⁴.

В постсоветский период исследователи обратили внимание на тот факт, что историческое значение Синеводской битвы, в результате которой была ликвидирована

¹ Русина О.В. Україна під татарами і Литвою. – К., Альтернативи, 1998, с. 27.

² Ивакин Г.Ю. Указ. соч., с. 62.

³ Івакін Г.Ю. Історичний розвиток Києва XIII – середини XVI ст. (історико-топографічні нариси) – К., 1996, с. 50.

⁴ Русина О.В. Указ. соч., с. 320.

зависимость украинских земель от Орды, явно недооценено как в историографии, так и среди широкой общественности. О. Брайченко причины слабой степени изученности как обстоятельств, так и значения битвы у Синих Вод в предшествующей историографии связывает с ограничениями, которые накладывала историография титульных наций на трактовку событий региональной истории. Ситуация, по словам историка, усугублялась тем, что изучение значения Синеводской битвы расходилось с тезисами о Куликовской битве как рубежном этапе в освобождении Руси от «татаро-монгольского ига», равно как и с историей завоеваний Казимира III в польской историографии¹.

Г.Ю. Ивакин высказал предположение о возможности вхождения украинских земель в состав Великого княжества Литовского в 1261 г., что и могло послужить причиной сражения 1262 г². Ф.М. Шабульдо склонен считать, что в результате битвы произошло освобождение населения Центральной Украины от обложения регулярной данью и непосредственного политического контроля Золотой Орды. В культурно-историческом плане изменения, наступившие после 1362 г., означали прекращение изоляции украинских земель от контактов с западноевропейской цивилизацией³.

¹ Брайченко О.Д. Синьоводська проблема: перспективи комплексних краєзнавчих досліджень // Синьоводська проблема у новітні дослідженнях. – К., 2005, с. 28.

² Ивакин Г.Ю. Указ. соч., с. 68.

³ Шабульдо Ф.М. Синьоводська битва 1362 р. с сучасній науковій інтерпретації // Синьоводська проблема у новітні дослідженнях / НАН України. Інститутісторії. України. – К., 2005, с. 21–22.

Г.Ю. Ивакин обращает внимание на упоминание «ордынского выхода» с Киевской, Волынской, Северной земель и Подолья в ярлыке 1393 г. хана Токтамыша великому князю Ягайло и наличие ханской тамги на первых типах монет, которые чеканил Владимир Ольгердович. Исследователь также отмечает, что присоединение украинских земель к Литовско-Русскому государству не всегда означало немедленное освобождение от золотоордынской зависимости, но признание верховной власти хана носило скорее формальный характер, а степень зависимости определялась конкретной исторической ситуацией. При этом систематическая дань превращалась в нерегулярный откуп для предотвращения набегов кочевников. Украинские ученые приходят к выводу, что даже неполная ликвидация ордынской зависимости в результате битвы на Синих Водах способствовала как прогрессивному развитию украинских земель, так и идеологическому подъему, являясь первым прецедентом победы над Ордой.

Таким образом, в современной украинской историографии внимание исследователей сосредоточено на изучении истоков формирования национальной и политической автономии украинских земель в контексте взаимоотношений Киевской Руси и Золотой Орды.

Резюмируя, необходимо отметить, что изучение русско-ордынских отношений становится все более актуальным в рамках исторического и политического дискурсов постсоветского пространства, поиска национальной идеи и идентичности.